

Л. С. КОВТУН

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ ШАХМАТОВСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В период издания последнего (семнадцатитомного) академического Словаря вопрос о шахматовской традиции не терял своей остроты. Профиль академического словаря, предложенный в выпусках под редакцией А. А. Шахматова¹, вызывал и продолжает вызывать двойственное отношение: а) попытка создать thesaurus в применении к живому языку расценивается как утопия, замысел, который не может увенчаться успехом; б) шахматовский период русской академической лексикографии признается ее научной вершиной².

Итак, с одной стороны, неосуществимость замысла А. А. Шахматова, с другой — высокий научный потенциал выдвинутых им принципов описания словарного состава языка. Речь идет не о борьбе мнений: оба положения каким-то не совсем понятным образом сосуществуют, они ужились.

В очерке по общей теории лексикографии Л. В. Щербы³ Словарь Шахматова нашел место в двух противоположениях: а) thesaurus — обычный (толковый или переводной) словарь, б) словарь академического типа — словарь-справочник. Автор стремится найти научный прицел шахматовского thesaurus'a. Раскрывая смысл оппозиции, он отмечает, что обычный словарь дает лишь правила (иначе: значения слова с иллюстрациями, подтверждающими толкования), словарь thesaurus — весь языковой материал и «до известной степени» предоставляет читателю самому вывести из него значения. Очевидно, что последнее из положений не может быть отнесено к шахматовскому Словарю: его отличает стремление к детальной разработке семантики на базе материала, способного отразить реальное состояние языка. Это качество Словаря отметила Е. С. Истрина: «Словарные материалы, так вдумчиво и тщательно собиравшиеся Шахматовым, явились основанием „Словарной картотеки“ Академии наук, которая насчитывает уже несколько миллионов карточек, непрерывно расширяется и служит богатым источником современной лексикографии»⁴.

¹ «Словарь русского языка», сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук, II (буквы Е, Ж, З), 9 выпусков, первый из которых Е—железный (СПб., 1897) имеет теоретическое введение. Шахматов работал над словарем 12 лет (1895—1907).

² Акад. В. В. Виноградов не раз сообщал коллективу семнадцатитомного академического словаря, что зарубежные ученые предпочитают (там, где это возможно по составу букв) пользоваться словарем Шахматова: они находят в нем ценные для славистики материалы. При обсуждении первых четырех томов семнадцатитомного Словаря (1948—1955) на расширенном заседании ОЛЯ АН СССР Б. В. Томашевский отстаивал преимущества лексикографической концепции А. А. Шахматова. Видный сербский лексикограф Митар Пешикан, гостивший в Ленинграде в 1969 г., на вопрос, удовлетворяет ли его Большой академический словарь, ответил, что ценность его как словаря современного русского языка будет возрастать по мере издания сводного «Словаря русских народных говоров» [в настоящее время опубликовано шесть выпусков (А — гон), М. — Л., 1965—1970].

³ Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, в кн.: Л. В. Щерба, Избранные работы по языкознанию и фонетике, Л., 1958.

⁴ Е. С. Истрина, А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка, ИАН ОЛЯ, 1946, 5, стр. 417.

Такова лексическая база Словаря. «Широкая картина значений и оттенков слова, прямых и переносных, широкая картина употребления слов, оборотов, выражений, продуманная система грамматической характеристики слова и общие строго научные установки „редакции Шахматова“...»⁵ — таков уровень анализа слов в Словаре.

Заметим, что оценка разработки семантики в выпусках II тома академического Словаря русского языка под редакцией А. А. Шахматова, данная Е. С. Истриной, известным советским лексикографом и ученицей А. А. Шахматова, не расходится с мнением придирчивого критика «шахматовской» редакции И. Х. Пахмана: «Никто, конечно, не станет порицать редакцию нового Академического Словаря, — пишет он, — за ее заботу всесторонне разрабатывать каждое слово, доискиваться всевозможных оттенков его значения, приводить все встречаемые в литературе применения»⁶.

Шахматов и его сотрудники не оставляли, как видим, «языковой материал» сырым, но, прежде чем подвергнуть его анализу и систематизации, они добивались фундаментальности той базы, на которой будут строиться обобщения. Это внимание к языковому материалу оценил Л. В. Щерба, видя в нем попытку изучения процессов речетворчества в области словоупотребления. Отметим, что шахматовский Словарь, видимо, и составлялся под знаком этих идей, Л. В. Щерба дает ему такую характеристику: «Он, конечно, не должен был быть настоящим thesaurus'ом, но максимум цитат был его основным принципом, а поскольку дело шло об „областном языке“, постольку абсолютно все имевшиеся материалы обязательно входили в его ткань»⁷.

Нельзя не согласиться с тем, что полноту материалов А. А. Шахматов ценит превыше всего и предела в этом отношении не ставил (в предисловии ко II тому он отмечает, кстати сказать, относительность достигнутых результатов)⁸. Нельзя не согласиться и с тем, что широта документации словоупотребления — характерный признак «шахматовской редакции». Пусть вспомнят участники работ над последним академическим Словарем всю жесткость невыполнимого правила: показать вариации употребления слова в хронологической перспективе от Пушкина до наших дней в трех цитатах на каждое деление словарной статьи.

Другое противоположение Л. В. Щербы, где упомянут в качестве типичного примера Словарь А. А. Шахматова, характерно тем, что в основе академического словаря лежит «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени»⁹, в то время как слова, описанные в словарях-справочниках¹⁰, могут принадлежать разным коллективам, относиться к разным эпохам и «вовсе не образуют какой-либо системы»¹¹. Именно таков, по мнению автора, словарь Академии под редакцией А. А. Шахматова. Л. В. Щерба считал, что в основе подобных словарей в наше время лежит идея нации.

⁵ Там же.

⁶ «План нового академического словаря с точки зрения иноязычного. Записка И. Х. Пахмана», СПб., 1899, стр. 9, 10.

⁷ Л. В. Щ е р б а, указ. соч., стр. 74.

⁸ О том, какое значение А. А. Шахматов придавал собиранию «языкового материала», и об его осведомленности в источниках можно судить по отзыву, данному им о словаре украинского языка Б. Д. Гринченко и о материалах для словаря письменной и книжной южнорусской речи XV—XVIII вв. Е. Тимченко. Ср. «Отчет о присуждении премии Н. И. Костомарова за словарь малорусского наречия», СПб., 1906.

⁹ Л. В. Щ е р б а, указ. соч., стр. 55. В качестве примера назван словарь французской Академии («Dictionnaire de l'Académie Française»).

¹⁰ Об узвизности термина «словарь-справочник» ср.: Н. И. Ф е л ь д м а н, О специфике небольших двуязычных словарей, ВЯ, 1952, 2, стр. 13.

¹¹ Л. В. Щ е р б а, указ. соч., стр. 55.

Действительно, Словарь А. А. Шахматова — это словарь языка русской нации, но эпохи вполне определенной (нижний предел — язык времени Ломоносова); лексика, собранная в нем, не есть некий конгломерат, соединение разнородных материалов. И если признаком академического словаря счесть системность, как предлагает Л. В. Щерба, она может быть присуща и словарю языка нации. Академический словарь литературного языка в идеале должен содержать описание системных отношений словарного фонда литературного языка. Однако при всей значительности роли этого языка как языка общенационального он не автономен, так как сам входит в систему более сложного порядка (систему систем), которая покрывается понятием языка нации. Цементирующей основой языка нации, по идее А. А. Шахматова, служит живая речь.

Стремясь соблюсти хотя бы внешне связи преемства с I томом Словаря русского языка под редакцией Я. К. Грота (А—Д), А. А. Шахматов включает в предисловие ко II тому все те места из «Введения» к I тому, где упомянут живой разговорный язык, наполняя термины иным, более конкретным содержанием. «Назначение словаря быть истолкователем живого языка...», — пишет Я. К. Грот во «Введении» (стр. VI), понимая под этим лишь слова, не вышедшие из употребления. «В словаре появляются иногда и слова областные», — говорится в том же «Введении» со ссылкой на трудность определения общеупотребительности слова (стр. V). Во «Введении» Я. К. Грота приведены слова И. И. Срезневского, где упомянут и разговорный язык: «Если авторитет употребления в языке письменном или разговорном стоит за то или другое слово», то, считает редактор I тома, независимо от его происхождения оно должно быть показано в словаре (стр. VI). Неясным остается, однако, по каким источникам Академия собиралась судить о состоянии разговорного языка.

В предисловии ко II тому А. А. Шахматов раскрывает, как бы досказывает каждое неотчетливое место из «Введения» к I тому, стремясь принципиально, а не половинчато решить вопросы, стоящие перед Словарем. Разница между академиками-редакторами в этом смысле огромная. «Отделение русского языка и словесности», — пишет А. А. Шахматов, — оставаясь при том положении, что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык, решило обнять этот язык во всей его совокупности, т. е. включить в настоящее издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами» (стр. VI). Нечеткий термин «общеупотребительный язык» он поясняет словами: «язык Москвы и Петербурга, центров нашей образованности» (стр. V), тут же подвергая сомнению общую употребительность означенного языка (во-первых, среди областных слов попадают нередко известные на большом пространстве России, но чуждые так называемому «общеупотребительному языку», во-вторых, русские писатели не только вводят слова местного происхождения в уста действующих лиц, но и сами охотно их употребляют). Тем самым подчеркнута связь между разными частями языка русской нации и отмечено воздействие народных говоров на литературный язык, указано на продолжающийся процесс развития литературного языка — обработку народных слов в лаборатории художественной литературы. Нельзя забывать, что крупнейшие писатели XIX в. стремились все теснее сблизить литературный язык с народным.

В оценке А. А. Шахматовым Словаря Даля — не только знак крутого поворота академической лексикографии (достаточно вспомнить полемику В. И. Даля с редакцией Словаря 1847 г., возглавляемой А. Х. Востоковым)¹². В этой оценке выражена суть замысла словарного предприятия

¹² «Словарь церковнославянского и русского языка», сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук, I, СПб., 1847.

самого А. А. Шахматова: «В словаре Даля впервые смешаны два языка — язык письменный и живой язык современных „великорусских“ говоров» (разрядка наша — Л. К.). (стр. VII). В этом А. А. Шахматов видел главную заслугу Даля, причем на нее указано как на прецедент, так как вслед за этим в «Предисловии» говорится, что новый словарь Академии приближается к словарю В. И. Даля «по своему объему и по своим задачам» (стр. VI). Для А. А. Шахматова важно было подчеркнуть эту близость двух словарей, проявляемую в доверии к словам из народной речи, но сейчас очевидно, что они весьма далеки по своему типу. Оба они заняли свое место среди лучших достижений русской лексикографии, но каждый — особое.

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля — это первый и пока единственный словарь русской разговорной речи; вряд ли кто-нибудь ищет в нем сведений по лексике письменного языка. Ценность Словаря Даля не в том, то он повторил за другими словарями, которые, как сказано в его «Напутном слове», «набирались из книг»¹³, а в том, что он добавил к ним десятки тысяч слов из устного народного языка. В. И. Даль счел нужным особо отметить, что девять десятых собранной им лексики — «простые, обиходные слова», а не какие-нибудь «внеслышанные областные выражения», причем в нем описана не только речь русского крестьянина, но и «русского горожанина из демократических слоев»¹⁴, терминология и фразеология разных ремесел, цехов и профессий. Даль не записывал лишь разговорной речи образованных слоев общества, в нем нет, за редким исключением, и цитат из русских писателей.

Словарь А. А. Шахматова не таков. Правда, редактор считает необходимым положить в его основу живой язык¹⁵, но убежден, что русский язык представляет собой синтез языка народного и письменного. «До сих пор можно с письменным языком обойти всю Великую Россию и Сибирь и всюду быть понятым народом; и до сих пор архангелогородец и курянин, не зная письменного языка, могут обойтись со своим родным наречием как в столицах, так и во всяком захолустье...»¹⁶. Здесь выделено то общее, что сплавляет отдельные части или проявления русского языка в язык нации.

Словарь А. А. Шахматова — это словарь языка русской нации в его единстве и сложности; в этом состоит основная идея шахматовской лексикографии. Словарный фонд русского литературного языка здесь на затерялся, но занял подобающее ему место, язык писателя отражен вплоть до частных употреблений (с пометой «встретилось у Толстого», «встретилось у Тургенева» и т. д.), включены, в отличие от I тома, редактированного Я. К. Гротом, даже церковнославянские слова, если их употребляют русские церковные писатели или если они встречаются в русском переводе Писания. Областные слова соотношены с литературными. Научные и технические термины включены в объеме еще небывалом и им даны точные логические определения,

¹³ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I, М., 1955, «Напутное слово», стр. XXVI.

¹⁴ В. В. Виноградов, Толковые словари русского языка, сб. «Язык газеты», М.—Л., 1943, стр. 380.

¹⁵ В письме Ф. Ф. Фортунатову 2 ноября 1895 г. и в Записке, которую Шахматов прочел в Отделении о программе словаря 16 ноября того же года, сказано, что для академического словаря есть два пути; первый из них — признать источником словаря письменный язык, второй — признать язык писателей лишь подспорьем при определении значения слов и их употребления, а источником словаря сделать живой русский язык; при этом задачей словаря является объяснение всех и всяких известных Второму отделению русских слов (Е. С. Истрина, указ. соч., стр. 413).

¹⁶ Записка Отделению 16 ноября 1895 г. (Е. С. Истрина, указ. соч.).

принятые в той или иной отрасли науки и техники. Таким образом, филологически рассмотрены термины как целостная категория (этого нигде не сделано, кроме Словаря Шахматова), а не только те из них, которые, по впечатлению лексикографов, получили общее распространение или значения которых размыты при использовании в речевом обиходе. К основным русским словам приведены параллели из других славянских языков. Где это возможно, даны научные этимологии. Обширная документация значений состоит из литературных цитат, фольклорных и диалектологических записей. В подборе цитат там, где позволяют материалы, предоставлена история развития значения.

Современный русский язык для А. А. Шахматова — это одно из состояний русского языка, к которому он пришел в процессе долгого развития. Идея синтеза не заслоняла для А. А. Шахматова специфики исторических периодов, а также и отличий в процессах развития отдельных частей этноязыка. Ведь именно А. А. Шахматовым «впервые намечены были четкие границы между общеславянской и общевосточнославянской эпохами», впервые «общая история русского языка отделена была от истории украинского и белорусского языков, впервые отдельно прослеживалась эволюция северновеликорусского и южновеликорусского наречий, выделена была и история литературного языка»¹⁷. В. А. Ларину представлялось противоречием в научной позиции А. А. Шахматова то, что он «декларативно», как он пишет, «объединял в общем понятии „русского языка“ и всю письменную традицию древней (Киевской) поры, и богатейшую письменность Московской эпохи, и все данные диалектов „великорусского“ языка, современные и исторически засвидетельствованные», а на практике «он исследовал р а з д е л ь н о современный литературный язык и язык древнерусской письменности, диалекты на разных исторических этапах, и в особых работах или экскурсах — историю украинского и белорусского языков»¹⁸. Но анализ не исключает синтеза, а предполагает или предопределяет его. Ведь только при синтезе возможно воссоздать ту историю русского языка, которую сам В. А. Ларин характеризует как «смену систем», как «планомерные изменения в системе древнерусского языка по пути развития в современный русский язык»¹⁹.

В шахматовской редакции академического словаря представлена идея синтеза отдельных частей современного языка русской нации. Она не может не стать жизненно необходимой русистике, особенно теперь, когда осознано значение исследований разговорной речи. Эти штудии волею-неволею выводят за пределы литературного языка. Недаром проблемы соотносительности этноязыка и литературного языка, проблемы социальной обусловленности развития литературной разговорной речи, ее отношения к просторечию и диалектам (при современном состоянии языка и в генетическом плане) начинают занимать существенное место в проблематике нашего языкознания²⁰.

¹⁷ В. А. Л а р и н, Историческая диалектология русского языка в курсе лекций академ. Шахматова и наши современные задачи, сб. «Очерки истории языка», Л., 1960, стр. 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Особо отмечу работы Л. И. Б а р а н и к о в о й (монография «Русские народные говоры в советский период», Саратов, 1967; статьи: «О внутреннем (диалектном) членении языка» (в сб. «Язык и общество», Саратов, 1967; «К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта» в сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969; «Социально-историческая обусловленность места разговорной речи в общенародном языке» ВЯ, 1970, 3), а также статьи Б. Н. Головина, В. И. Собиной, О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой, Ф. Л. Скитовой, О. С. Жельской и Л. А. Ивашко и др.

Обращение к деревенским диалектам имело огромное значение для исторического языкознания. Отмечая этот факт и связывая его главным образом с именем А. А. Шахматова, Б. А. Ларин в работах 20-х годов вводит понятие третьего круга явлений — городского просторечия и ставит проблему изучения состава и структуры языкового быта города как непосредственной лингвистической среды литературного языка²¹. Когда в начале 60-х годов С. И. Ожегов вернулся к этим проблемам и попытался осмыслить происшедшие в стране за полвека социальные и языковые процессы, он высказал гипотезу об образовании двух форм национального языка — литературной и обиходной. Различая понятия «язык нации» и «национальный язык», он вкладывает в этот последний термин уже не тот смысл, который придавал ему Л. П. Якубинский, поставивший в начале 30-х годов проблему соотношения национального языка с местными диалектами²². Видоизменяя в соответствии с этим и термин «литературный язык», автор пользуется вместо него термином «литературная форма национального языка»²³. Важно отметить, что записи разговорной речи москвичей в обиходной обстановке, сделанные в эту пору, привели исследователя к мысли о том, что она существенно отходит от литературных норм, и он усомнился в том, что ее верно было бы именовать литературной разговорной речью. На это решились его преемники²⁴. Термин «литературный» оказывается наделенным новым содержанием, но каким же? Означает ли он, что влияние норм письменного языка на обиходную разговорную речь является решающим? С этим трудно было бы согласиться.

Следуя терминологии чешского ученого Й. Вахка, автор проспекта «Русская разговорная речь» Е. А. Земская высказывает положение о существовании двух русских литературных языков: один осуществляет «функцию непосредственной реакции», другой — «функцию продолжительной реакции»²⁵. Функционирование их в одном коллективе, как полагает автор, создает особый вид двуязычия. Единство современного русского литературного языка, по мнению автора проспекта, достигается «экстралингвистически — единством языкового коллектива, говорящего на двух названных литературных языках»²⁶. При всем этом оба литературных языка рассматриваются как самодостаточные системы. Разговорный литературный язык (иначе — разговорная речь) исследуется в отвлечении от диалектов и даже просторечия; под просторечием же понимается лишь неполное владение литературным языком. Под воздействием литературных норм разговорная речь изменялась (и, конечно, особенно интенсивно и широко в последние полвека), но все же развивалась она по своим законам в силу своей диалогической природы. Противопоставление диалог — монолог многосторонне изучено в трудах Л. В. Щербы²⁷. Если же значение термина «литературный» сводится к понятию «образцовый», а образцовой обиходной речью признается речь лиц, владеющих литера-

²¹ Б. А. Л а р и н, К лингвистической характеристике города (несколько предположений), «Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена», 1926, 1; е г о ж е, О лингвистическом изучении города, сб. «Русская речь», III, Л., 1928.

²² А. И в а н о в, Л. Я к у б и н с к и й, Очерки по языку, Л., 1932.

²³ «Всесоюзная конференция, посвященная закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тезисы докладов», Алма-Ата, 1962, стр. 23—26.

²⁴ В Институте русского языка АН СССР группа сотрудников под руководством Е. А. Земской работает над темой «Русская разговорная речь».

²⁵ Е. А. З е м с к а я, Русская разговорная речь (проспект), М., 1968, стр. 9.

²⁶ Там же, стр. 10.

²⁷ Л. В. Щ е р б а, О трех аспектах языковых явлений и об эксперименте в языкознании, «Изв. АН СССР», 1931; е г о ж е, Современный русский литературный язык, «Р. яз. в шк.», 1939, 4; е г о ж е, Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку), «Советская педагогика», 1942, 3—4.

турным языком, то не следует ли прежде установить степень существенности норм для разговорной речи в целом, а также степень расхождения норм в каждом ее отсеке.

Повернутая к живой речи, проникнутая историзмом и идеей синтеза всех компонентов языка нации, концепция академического Словаря А. А. Шахматова становится особенно значительной для современного этапа русистики в целом и лексикографии в частности.

Словарь А. А. Шахматова не раз подвергался критике. Указывалось, что совмещение областных и литературных слов и значений «не могло не отразиться на стилистической перспективе словаря, сильно ее затемняя и спутывая»²⁸. Отмечалось, что объединение неоднотипных материалов отразилось и на истолковании слов: «невозможно было уловить смысловые особенности областного слова с такой же точностью, как и литературного»²⁹. И это понятно: значения областных слов менее отработаны или, что то же, более диффузны. Несомненно и то, что всякое объединение ведет к потерям, к утрате чего-то специфического. На современном этапе анализа, видимо, необходим не один словарь, наподобие «шахматовской редакции», а комплекс словарей, синтезирующих показания письменных и устных источников. Это позволило бы по-новому подойти и к материалам литературного языка, к вопросам его стилистической дифференциации, и прежде всего — реально установить его активный и пассивный словарный запас.

В заключение хочется вспомнить слова, сказанные Е. С. Истриной: «Надо думать, что придет время, когда научная мысль снова вернется к „редакции Шахматова“, когда осуществлятся в обновленном виде его широкие замыслы и строгие научные требования»³⁰.

²⁸ В. В. Виноградов, Толковые словари русского языка, стр. 385.

²⁹ Там же, стр. 386.

³⁰ Е. С. Истрина, указ. соч., стр. 417.